

*А. В. Святославский, Е. В. Егорова**

В.И. ЛЕНИН В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ В.В. НАБОКОВА**

В настоящей статье исследуется личность Владимира Ильича Ленина в художественном осмыслении писателя-эмигранта Владимира Владимировича Набокова. Несмотря на однозначность оценки личности Ленина и исторических событий, с ним связанных, Набоков оригинально интерпретирует его образ и деяния в большинстве своих произведений. Если даже Ленин напрямую не называется, его образ в текстах Набокова угадывается по двум-трем штрихам. Ленин, на наш взгляд, явился своего рода триггером творчества Набокова, повлияв коренным образом не только на его личную судьбу и судьбу семьи Набоковых, но и стимулировав к писательской деятельности.

Ключевые слова: В. И. Ленин, В. В. Набоков, В. Д. Набоков, Э. Уилсон, рецепция, «Говорят по-русски», «Бритва», «Приглашение на казнь», «Дар», «Под знаком незаконнорожденных», «Смотри на арлекинов!».

Svyatoslavsky Alexey, Egorova Ekaterina

V.I. LENIN IN THE LITERARY AND ARTISTIC RECEPTION OF V.V. NABOKOV

This article examines the personality of Vladimir Ilyich Lenin in the artistic interpretation of the emigrant writer Vladimir Vladimirovich Nabokov. Despite the unambiguous assessment of Lenin's personality and the events associated with him, Nabokov originally interprets his image and deeds in most of his works. Even if Lenin is not directly named, his image in Nabokov's texts is guessed by two or three strokes. Lenin, in our opinion, was a kind of trigger for Nabokov's creativity, will radically affect not only his personal fate and the fate of the Nabokov family, but also stimulating creativity.

* Святославский Алексей Владимирович — доктор культурологии, профессор Института филологии Московского педагогического государственного университета. e-mail: pokrov1988@gmail.com

Егорова Екатерина Вячеславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43080 «Советский Союз как цивилизация: от расцвета до заката»

Keywords: V. I. Lenin, V. V. Nabokov, V. D. Nabokov, E. Wilson, reception, «They speak Russian», «The Razor», «The Invitation to Execution», «The Gift», «Under the Sign of Illegitimate», «Look at the Harlequins!».

24 января 1924 года Владимир Набоков, находясь в Праге, пишет своей в то время невесте Вере Слоним в Берлин привычно откровенное и трепетное письмо, где в ряду упоминаний о семейных «хлопьях хлопот» [8; с. 73], размышлений о том, как надо бы изображать в литературе святого Петра, а именно — «греющимся у костра на холодной заре» [8; с. 75], когда «кричат... вторые петухи» [8; с. 75] и «сдержанно кланяются кипарисы» [8; с. 75], сразу же после признания, что он уже мысленно гуляет по тропинкам унаследованного от дяди Василия Ивановича Рукавишникова имения Рождествено, внезапно, через многоточие: «А сегодня в газетах весть о том, что Ленин умер» [8; с. 75] (он умер тремя днями ранее, 21 января). И тут же, кажется, как следствие безумной радости от сказанного выше: «Любовь моя, какое счастье снова увидеть тебя, услышать пенье твоих гласных...» [8; с. 75], а потом и вовсе не о политике: «иду проветриться» к «совершенной прелестной» Марине Цветаевой [8; с. 75]. Все нечаянно смешалось в его мире, и, быть может, воскресла надежда на возможное преодоление ставшей привычной эмигрантской стагнации — на возвращение домой.

Отец писателя Набокова, Владимир Дмитриевич, был заметным участником оппозиционного движения в дореволюционной России, видной политической фигурой в период с 1905-го по 1917-й год, главой казначейства и членом нескольких комитетов Временного правительства. Семья Набоковых переживала обе — Февральскую и Октябрьскую — революции в Петрограде.

В. Д. Набоков ощущал разрозненность, хаотичность, броуновское движение Временного правительства: в течение всего двух месяцев было предпринято множество реформ, при этом Набоков был ведущей фигурой в Юридическом совете и в комиссии по пересмотру Уголовного кодекса; однако его тревожило противостояние А. Ф. Керенского П. Н. Милюкову (Набоков был членом партии кадетов, конституционных демократов, которую возглавлял Милюков), занимавшему крайне негибкую позицию, особенно в отношении окончания войны. Находясь под обаянием последнего, Набоков чувствовал себя словно между Сциллой и Харибдой.

Насколько плохо он подходил для роли революционного деятеля, можно судить по его признанию от июля 1921 года газете «Руль»: «Когда мне приходилось выступать в России на митингах, <...> я часто испытывал чувство тягостной неловкости. Мне казалось, что я совершаю духовное насилие над слушателями, которые сами должны были бы разобраться, за какой партией идти» [2; с. 159].

В течение пяти дней после октябрьского переворота Владимир Дмитриевич находился под стражей в Смольном. 29 ноября 1917 г., подобно пилигриму, он покинул Петроград с заплечным мешком.

Совершенно аполитичного по своей природе Владимира Владимировича Набокова в это самое революционное время в Тенишевском училище обязывают высказывать свою политическую позицию: «Чтобы пробудить в юноше

политическую сознательность, <Владимир Васильевич Гиппиус — преподаватель словесности> задал ему в качестве наказания дополнительную работу — сочинение о восстании декабристов, вдохновившем революцию 1905 года, а затем, вместе с ней, и Февральскую революцию 1917 года. Прочитав его работу, Гиппиус прошипел, едва скрывая ярость: «Вы не тенишевец» [2; с. 156–157]. Впрочем, вследствие этого давления Набоков преисполнился еще большей решимости сохранять свою особую позицию в отношении политических распрей.

Осенью 1917-го года у него был последний семестр в Тенишевском училище, наполненный помимо прочего многочисленными любовными увлечениями. (Дома же он бил по боксерской груше прямо под выстрелы.) Сдав сессию и заработав «четыре» по физике, «пять с минусом» по Закону Божьему и «пятерки по всем остальным предметам» [2; с. 163], 15 ноября 1917 г. вместе с братом Сергеем он провел последний своей день в Петрограде. В жарко нагретом вагоне по дороге в Крым раскрылась куколка бабочки, семь лет пролежавшая в коробке.

16 декабря 1917 г., по прибытии в Гаспру отца, Набоков напишет стихотворение «К свободе», где скажет, что у свободы «подбито» крыло, с такими строчками: «Ты медленно бредешь по улицам бессонным; / на горестном челе нет прежнего луча...», «в одной руке дрожит потухшая свеча...» [15; с. 12]. Тогда же в Крыму он создает и другие стихотворные тексты об утраченной Россией свободе и бесчинствах большевистского террора. Фигура В. И. Ленина и его деяния, несомненно, побуждают его к творчеству.

Во время обучения в Кембридже Набоков произнесет «первую и последнюю» [2; с. 201] в своей жизни политическую речь, длившуюся «18 минут 50 секунд» [2; с. 201]. Её основные тезисы таковы: «Ленин — сумасшедший, остальные — негодяи» [2; с. 201]; большевизм — «отвратительная болезнь» [2; с. 201]. Там же он яростно призывает Англию помочь России [2; с. 201]. В дальнейшем же ни в каких политических дебатах он не участвовал. Признавался, что у него не было и нет логически выверенной системы аргументации, как у виртуозно владевшего ею его отца [2; с. 202].

Но в частные споры о большевистском лидере время от времени Набоков все-таки вступал. Так, например, говорил о Ленине, что он вовсе не такой «мудрый, как Соломон» [2; с. 213], и не такой «чувствительный, как институтка из повести Чарской» [2; с. 213].

Первый опубликованный опыт Набокова в прозе оказывается тесно связанным с революционными событиями, потрясшими Россию. 7 января 1921 года «Руль», популярное в Берлине ежедневное русскоязычное издание, газета, одним из основателей которой был его отец, напечатала рассказ Набокова «Нежить», в котором описывается, как лесные духи, персонажи русского фольклора, сталкиваются с новой большевистской реальностью: русские поля завалены обезглавленными гниющими трупами («у того голова на одной красной ниточке висит, у того вместо живота — ворох толстых червей...» [9; с. 48]), а по рекам плывут мертвецы «гроздьями» [9; с. 49], и по этой причине некогда «задальной» нежити пришлось покинуть родные места «с котомкой» [9; с. 49]: «И все мы ушли, изгнанные безумным землемером» [9; с. 49]. «Рассказ, короткий и незамысловатый, может служить свидетельством того, что с первых

шагов писателя Набокова миф и фантазия в его творчестве переплетаются с ужасом современности» [16; с. 120], — констатирует А. Питцер.

В стихотворении Набокова же 1922 г. «Петербург» («Он на трясине был построен...»), напротив, сам Ленин соотнесен с нежитью, а именно с болотным бесом, проснувшимся в сонном городе грез, в котором скрывался до времени «мстительно-живой» мир, дышащий «смертной отравой» [6; с. 269]. Вдруг в «сумрачной трясине» что-то «вздрагнуло»: «раскрывшись, бездна отдавала / замороженных мертвецов» [6; с. 269], «И пошатнулся всадник медный, / и помрачился свод небес, / и раздавался крик победный: / «Да здравствует болотный бес»...» [6; с. 269].

Даже в смерти отца, который пал от руки эмигранта-монархиста, покушавшегося на П. Н. Милюкова, Набоков усматривал вину Ленина. Это случилось весной 1922 г., а 30-го декабря того же года было юридически закреплено образование Советского Союза, что лишило Набокова всякой надежды вернуться на родину.

7 января 1923 года в «Руле» был опубликован рассказ Набокова «Слово», проблематика которого так или иначе связана с происходившим в Советском Союзе и, опосредованно, с фигурой Ленина. Оказавшись во сне в раю, герой рассказа вымаливает у доброго ангела для своей «босой и нищей» [9; с. 50], «умирающей в тяжких мороках» родины «подаянье» [9; с. 51] и слышит от него «единственное слово» [9; с. 53]. Под «словом» подразумевается, по всей видимости, искусство, в котором Набоков с этой поры усматривал единственное спасение для себя и всего эмигрантского мира.

Симптоматичен в этом смысле и сюжет рассказа Набокова 1923 г. «Говорят по-русски». Место действия — табачная лавка эмигранта, бывшего «благополучного помещика» [9; с. 17] Мартына Мартыныча, ныне проживающего в Берлине. Его сын Петя хлопочет о возвращении их родственницы в Москву, для чего ходит в «представительство», и однажды слышит там от одного из «представителей»: «...шляется всякая белогвардейская шваль» [9; с. 18]. После этого Петя отправляется в советский книжный магазин, охарактеризованный в рассказе как портящий «своим присутствием одну из прелестнейших берлинских улиц» [9; с. 18]. Он выбирает молоток, «разрисованный маками и украшенный соответственной для большевицкого молотка надписью» [9; с. 18], а также «небольшой гипсовый бюст господина Ульянова» и «тут же на прилавке» «кокает» «этим молотком по этому бюсту», «да так, что господин Ульянов рассыпался» [9; с. 18]. Через некоторое время в табачную лавку заходит тот самый «представитель» — гэпэушник, чекист, «честный коммунист» двадцати четырех лет от роду, и Петя дает ему «кулачищем <...> по скуле» [9; с. 21]. Прямо в лавке вся семья Мартына Мартыныча устраивает над «представителем» «судебное разбирательство» [9; с. 21], приговаривая его к пожизненному сидению (по крайней мере, до того дня, как «лопнут большевики») «в комнатке темной-претемной, с белой железной ванной» [9; с. 22], чтению басен И. А. Крылова и «Князя Серебряного» А. К. Толстого. Эпизоды «кокания» бюста Ленина и заточения чекиста в рассказе отчетливо соотносятся друг с другом — с «представителем» проделывается то, что надлежало бы совершить, с точки зрения семьи Мартына Мартыныча, по отношению к самому Ленину.

В рассказе «Бритва», опубликованном в «Руле» 19 февраля 1926 года, Ленин, при всей маскарадности своего облика, явлен уже собственной персоной. Можно сказать, «Бритва» — своеобразная ему, уже к тому времени почившему, эпитафия. Герой рассказа — капитан Иванов (по прозвищу Бритва) — ранее служил в императорском полку, теперь же служит в берлинской парикмахерской, чем, понятно, решительно недоволен: «Его большую, благородную, великолепно отчизну какой-то скучный шут погубил ради красного словца, — и это он простить не мог» [9; с. 212]. Однажды в парикмахерскую приходит «плотный, низенького роста господин в черном костюме», «с черным портфелем под мышкой», «восковой лысиной» [9; с. 212], «подвижным лицом», «пронзительными глазками», «блестящими, как мерцающие колесики часового механизма» [9; с. 212–213]. В этом посетителе нетрудно узнать Ленина. Правда, он не в рабочей кепке, а в черном котелке, как Чарли Чаплин, и «с толстым родимым прыщом у правого крыла носа» [9; с. 212]. Впрочем, прямо о том, что это Ленин, не говорится. Как и в рассказе «Говорят по-русски», он как бы заменен неким своим «представителем», который, как выясняется, допрашивал Бритву «в Харькове, лет шесть тому назад» [9; с. 213]. Теперь же, покоровшись парикмахеру, вознамерившемуся его убить, в «белом саване простыни» [9; с. 213] «представитель» сидит, как мертвый. «Покойников всегда бреют», «бреют и приговоренных к смертной казни» [9; с. 214], — говорит ему Иванов-Бритва, позиционируя себя в этот момент как палача. В финале рассказа Бритва намеченную жертву все же помиловал — отпустил, так и не «гильотинировав». «И все той же механической походкой, сжимая вытянутой одеревеневшей рукой портфель и глядя в солнечную муть улицы пустыми, как у греческих статуй глазами, — ушел» [9; с. 214] этот квази-Ленин, словно восставший на короткое время из мертвых. Не отклик ли в таком случае «Бритва» на возведение мавзолея Ленина. (Заметим, что первый — деревянный — мавзолей был построен в январе 1924 г., второй — в мае 1924 г.).

В рассказе «Письмо в Россию» («Руль», 29 января 1925 г.) «мокрое отражение фонаря» и «черные воды канала» [9; с. 193] в Берлине ощутимо рифмуются со сходными петербургскими реалиями, будто «реинкарнирующими» Петербург Н. В. Гоголя, и в первую очередь, Петербург «Невского проспекта». Ностальгия по России здесь нарастает крещендо. И то же самое в рассказе «Путеводитель по Берлину» («Руль», 24–25 декабря 1925 г.), где вновь сквозь Берлин по принципу палимпсеста проступает Петербург. Вместе с тем, в изображаемом в этом рассказе Зоологическом саду, «земном раю», заставляющем вспомнить ветхозаветный сюжет изгнания из рая, «за <...> витринами, в сияющих углублениях, скользят, вспыхивая плавниками, прозрачные рыбы, дышат морские цветы, и на песочке лежит живая пурпурная звезда о пяти концах» [9; с. 209]. Черпая воспоминания о своей России словно со дна океана, даже морскую звезду герой-наблюдатель, играя с самим собой в ассоциации, вынужден рифмовать с эмблемой Советского Союза: «Вот, значит, откуда взялась пресловутая эмблема: с самого дна океана — из темноты потопленных Атлантид, давным-давно переживших всякие смуты, — опыты глуповатых утопий, — и все то, что тревожит нас» [9; с. 209].

В рассказе «Истребление тиранов» («Русские записки», август — сентябрь 1938 г.) перед нами своего рода заклинание тоталитаризма словом — словом

творчески одаренного человека. Скромный учитель рисования, служащий в провинциальной гимназии, создает собирательный образ тирана и пишет что-то вроде его жития. Тиран под его пером предстает «самодуром, жестоким и мрачным пошляком с болезненным гонором» [9; с. 448], который «только наряжается богом» [9; с. 448]. У этого «торжествующего чудовища» [9; с. 450] «толстая морщина через весь лоб» [9; с. 447], «кесарская плешивость» [9; с. 451], «гнусное задыханье» в конце произносимых им фраз [9; с. 451]; обитает он «в камере главной столичной тюрьмы, превращенной для него в замок» [9; с. 455]. И — главное — он не что иное, как «мираж», превращенный «в тираж» [9; с. 459], а также — «воплощенное отрицание поэта» [9; с. 459], ибо гений и злодейство, по Набокову, идущему здесь вслед за Пушкиным, «две вещи несовместные». (Позднее в эссе «Искусство литературы и здравый смысл» (1942) Набоков будет настойчиво утверждать, что «преступники — обычные люди без воображения», а «преступление — настоящее торжество пошлости, и чем оно удачнее, тем глупее выглядит» [7; с. 497]). Тем не менее герой-повествователь «Истребления тиранов» сначала грезит об «истреблении» как физическом уничтожении деспота, но задается закономерным вопросом «зачем?», если в его стране за этим убийством последует непременно «усиление гнета по инерции» [9; с. 462]. Таким образом, герою ничего более не остается, как только мимикрия под деспотичного правителя, обусловленная то ли погружением его в бездну безумия, то ли игрой в таковое. И вот герой уже чувствует себя *им*. Цель тирана, получается, реализована, так как цель эта — сделать всех без исключения жителей подвластного ему государства своей уменьшенной копией, точнее, своим жалким, рабским подобием. В финале же «Истребления тиранов» герой-протагонист закликает тиранического государя смехом. Однако ощущение, что мир находится «накануне новых неприятностей, не менее забавных, чем нынешние» [9; с. 468], остается у него неизменным.

Итак, в рассказах и стихах Набокова 1920-х — 1930-х годов фигура Ленина практически не вуалируется. Напротив, в своих романах берлинского периода писатель обходится, как правило, без политических ассоциаций, хотя в некоторых из них политическая тематика все же присутствует, но обязательно подвергаясь сильной художественной трансформации. Так, в романе «Машенька» (1925–1926) исследуется феномен эмигрантского психологического эскапизма — внутреннего побега от всего, что напоминает об СССР; в романе «Подвиг» (1930–1932) объектом утонченной рефлексии становится желание автора тайно вернуться на родину.

Среди берлинских романских текстов особенно выделяются «Приглашение на казнь» (1934–1936) и «Дар» (1938), которые вместе с более поздним романом американского периода «Под знаком незаконнорожденных» (1947, на английском языке), по мнению С. Карлинского, «образуют своего рода набоковскую трилогию» об ужасах XX века, исследующую тоталитаризм от его истоков до крайних пределов [3; 41]. Интересно, что в этой трилогии, как и в рассказе «Истребление тиранов», Набоков изучает фигуру Ленина вкупе со Сталиным и Гитлером.

В «Даре» сквозь один политический режим более или менее явно просвечивает другой, что отмечалось и самим Набоковым в предисловии к роману:

«К тому же у моего молодого человека <Федора Константиновича Годунова-Чердынцева> это <негативное отношение к Германии> усугубляется влиянием тошнотворной диктатуры того времени, когда я писал книгу (1930-е гг. — Е.Е.), а не того, которое в ней фрагментарно отразилось» [11; с. 412]. (Имеется в виду большевистская диктатура, в сознании героя и автора как бы накладывающаяся на национал-социалистическую, торжествующую в Германии, где происходит действие романа.)

В 1928 году в СССР праздновалось столетие со дня рождения Н. Г. Чернышевского [2; 466] (родился 24 июля 1828 г.). Важно отметить, что Чернышевский был любимым писателем Ленина [2; с. 33] и в советском идеологизированном литературоведении считался предтечей социалистического реализма.

В жизнеописании Чернышевского, включенном в роман «Дар» как отдельная — четвертая — глава, набоковское «презрение к трусости царского правительства, заточившего в тюрьму и сославшего Чернышевского, и горькое сострадание к его судьбе сочетаются с сокрушительной критикой идей писателя» [2; с. 33]. Это не столько разоблачение Чернышевского, сколько художественно оркестрованная попытка понять, почему именно его этические и эстетические идеи были усвоены русским марксизмом и способствовали подчинению искусства государству в Советской России.

На исследование биографии Чернышевского у Набокова ушли 1933 и 1934 годы. Кроме того, он тщательно изучал труды Г. Гегеля, Л. Фейербаха, Ш. Фурье, А. Сен-Симона, К. Маркса, пытаясь отыскать в них корни русской революции.

Набоков в «Даре» показывает, как жизнь последовательно опровергает все умозрительные теории Чернышевского. Любопытно, что ситуация заключения его в Петропавловскую крепость прочитывается и в «Приглашении на казнь» — романе, создававшемся параллельно с «Даром». Соотносимы имена Чернышевского и Чердынцева (Федора Константиновича Годунова-Чердынцева, главного героя романа, который может считаться хотя бы частично alter ego автора; от полного отождествления себя с ним Набоков отрекся категорически): это ономастическое соотнесение зиждется на том, что Чернышевский наделен Набоковым чертами не только чудака и шута, но и одинокого короля и непонятого творца [2; с. 532].

Также Набоков в романе задается вопросом, не была ли диктатура радикально-утилитаристской критики журнала «Современник» своеобразной репетицией большевистского террора, а драма раскола «Современника» чем-то вроде предвестия Октябрьской революции.

Нельзя обойти вниманием и известный набоковский афоризм из романа «Дар», всплывающий в разговоре Федора Константиновича Годунова-Чердынцева с поэтом Кончеевым: «Стойте! Неужто вы желаете помянуть добрым словом Обломова? Россию погубили два Ильича...» [13; с. 256]. Под вторым Ильичом — Обломовым — Набоков подразумевал, вероятно, бесильную и вялую российскую либеральную общественность, позволившую прийти к власти большевикам.

Роман «Под знаком незаконнорожденных» значительно углубляет и усугубляет проблематику «Приглашения на казнь», где мыслящий не как все герой сначала оказывается в заключении, а потом подвергается казни. Главного героя

романа «Под знаком незаконнорожденных», философа и университетского профессора Адама Круга, принуждают подписать письмо, подтверждающее его безусловную верность тирану Падуку: без подписи всех работников университета последний перестанет функционировать. Управляет тираническим Паукоградом в романе Партия Среднего Человека, исповедующая теорию эквилизма — уравнивания всего и вся. Мир Паукограда — это мир повсюду снующих согладатаев на полицейских машинах, слежек, шантажа и пыток. Единственный выход из этого ужаса — безумие, приравняваемое в романе к творчеству.

Герб тиранического государства в романе — паук на красном фоне, что вызывает ассоциации одновременно и с «серпом и молотом», и со свастикой.

В предисловии к более позднему изданию романа Набоков прямо говорит о преломлении в нем большевистской и фашистской идеологий:

«Влияние моей эпохи на эту мою книгу столь же пренебрежимо мало, сколь и влияние моих книг или по крайней мере этой моей книги на мою эпоху. Нет сомнения, в стекле различимы кое-какие отражения, непосредственно созданные идиотическими и жалкими режимами, которые всем нам известны и которые лезли мне под ноги во всю мою жизнь: мирами терзательств и тирании, фашистов и большевиков, мыслителей-обывателей и бабуинов в ботфортах. Нет также сомнений и в том, что без этих мерзостных моделей я не смог бы наspiговать эту фантазию кусками ленинских речей, ломтями советской конституции и комками нацистской лжерасторопности» [12; с. 41].

Переписка Набокова с влиятельным американским критиком Эдмундом Уилсоном может послужить выразительным комментарием ко всему вышесказанному. Знакомство Набокова с Уилсоном состоялось в октябре 1940 года. Уилсон сделался своего рода литературным агентом Набокова как начинающего американского писателя. В самом начале общения он предложил Набокову написать рецензию на книгу Г. П. Максимова «Гильотина за работой» (1940), рассказывающую о политическом терроре в Советском Союзе. Рецензия так и не была напечатана, но известно, что Набоков отозвался о книге так: «Эта страшная и немногословная книга тем важнее, что она поможет развенчать печальный миф, будто Ленин был чем-то лучше своего последователя» [17; с. 51]. В ответ Уилсон направил Набокову свою книгу «К Финляндскому вокзалу» (1940), где, в частности, рассматривается вопрос о западных корнях марксизма-ленинизма, в надежде переменить мнение собеседника о Ленине в лучшую сторону.

Перу Уилсона на тот момент принадлежала также книга об СССР «Путешествие по двум демократиям», вышедшая в 1936 г. Ее автор ведет спор с Набоковым как человек, побывавший в Советском Союзе: в 1935 году Уилсон получил Гуггенхаймскую стипендию для учебы в Москве в Институте Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП (б).

Уилсон отстаивал мысль, что Советский Союз справился бы с «великой депрессией», поскольку его руководство уделяет повышенное внимание «промышленным и экономическим вопросам» [17; с. 53], в отличие от тогдашнего президента США Г. Гувера.

Однако к 1940-му году, времени знакомства с Набоковым, Уилсон уже считает СССР полицейским государством: в книге «К Финляндскому вокзалу» он описывает царящую в среде советских интеллигентов атмосферу страха, называет толпу на улицах Москвы неряшливой и скучной и замечает, что социализм ни в малой мере не развеял всепоглощающую русскую тоску.

В то же время Уилсон постоянно сравнивает СССР и США: «...обе страны так похожи: кругом «степи, бурные реки и дикие леса» — «никогда не знаешь, что таится в глуши этих земель...» [17; с. 54].

В свою очередь, Набоков в своем письме Уилсону от 15 декабря 1940 вычленяет в его позиции «фальшивки большевистской пропаганды» [5; с. 55] и наконец развеивает усвоенные им мифы об СССР:

«Вот мы и подобрались к фигуре Ильича — что-то я зачесался сгоряча (извините). Боюсь, что для портрета его отца Вы взяли многовато небесной лазури по примеру советских биографов. Ульянов-старший, по свидетельству знавших его людей, был самым обыкновенным, примечательным разве своими либеральными воззрениями господином» [5; с. 55]. И далее: «Если бы к голубому и розовому Вы добавили немного сепии, <...>, он <отец В. И. Ленина> вышел бы у Вас не столь «иконописным»» [5; с. 56].

Или такой вот выпад по адресу Ленина и одновременно Н. К. Крупской:

«Воспоминания близких часто бывают невыносимо приторны, а бедной Крупской не хватало ни юмора, ни вкуса. Ироничный читатель, дойдя до пассажа, где Ленин не выстрелил в лисицу, потому что она была «красивой» (из книги Н. К. Крупской «Воспоминания о В. И. Ленине» [4; с. 31] — Е.Е.), может в ответ бросить: «Жаль, что Россия ему такой не показалась»» [5; с. 56].

Речь по-прежнему идет о Ленине:

«Эта преувеличенная сердечность, этот взгляд с *prishchurinkoy*, этот мальчишеский смех и все такое прочее, чему умиляются его биографы, кажутся мне особенно безвкусными. Вот эту атмосферу общего веселья, когда тебе подносят полное ведро обожания с лежащей на днедохлой крысой, я воспроизвел в своем «Приглашении на казнь» (надеюсь, Вы его еще прочтете). Вас так радушно «приглашают», все будет исполнено в лучшем виде, только НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ (говорит заплечных дел мастер своему «пациенту»). Мой друг немец, не пропускавший ни одной смертной казни, рассказывал мне о палаче в Регенсбурге, который с топором в руке совершенно по-отечески опекал осужденного» [5; с. 56–57].

Уилсон упорно парирует:

«...Вы воображаете монстра, а не объясняете его в человеческих терминах» [5; с. 57]; взывает к авторитету М. Горького: «Я не верю, что Горький <...> мог наводиться в близких отношениях с таким человеком, какого Вы себе представляете» [5; с. 58] (письмо от 19 декабря 1940).

В ответ по аналогии с «Владимиром Красное Солнышко» [5; с. 59] Набоков издевательски называет Ленина «Ленин Доброе Сердце» [5; с. 59] (письмо от 20 декабря 1940 г.).

С. Карлинский, поясняя контекст переписки, говорит о «склонности американцев к сентиментальной идеализации» [3; с. 28] Ленина, как, впрочем, и Сталина, и добавляет, что Уилсон не имел возможности познакомиться с полным собранием сочинений Ленина, которое стало выходить лишь в 1960-е годы.

По мнению Б. Бойда, «Уилсон восхищался Лениным за то, что тот мечтал о лучшем будущем для человечества и имел мужество попытаться воплотить свои мечты в жизнь» [1; 28]. Не исключено, что позицию Набокова Уилсон объяснял себе тем, что тот просто не интересуется политикой и, следовательно, ничего в ней не понимает. Но он явно недооценивал своего друга: в 1933 году Набоков даже намеревался читать лекции по истории русского марксизма.

29 марта 1943 года, на пике советско-американского сотрудничества во время Второй мировой войны, вышел русский номер журнала «Life». Помимо фотографии добродушного Сталина на обложке, он предлагал читателям панегирический очерк о Ленине («величайшем человеке современности»), а также обзор русской истории и культуры, по характеристике Набокова, «повторявший перекосы и фальсификации советской пропаганды» [5; с. 139]. К обзору прилагался портрет Пушкина с абсурдной, искажающей факты биографии поэта подписью под ним: «Пушкин, поэт-аристократ, присоединился к заговору офицеров против царя, был выслан на Кавказ, убит на дуэли» [5; с. 140], что особенно разозлило Набокова: «*Вотъ говнюки!* Эта непотребная фотография...» [5; с. 139] (письмо Уилсону от 29 марта 1943 г.).

И в дальнейшем Набоков не раз укорял друга Уилсона в том, что тот не может освободиться от иллюзии, будто Ленин был «душкой» [5; с. 192] (из письма от 8–9 июня 1944 г.). В письме от 23 февраля 1948 г. подобное отношение Уилсона к Ленину Набоков выводит из его «оптимизма, идеализма и молодости» [5; с. 284].

Все политические изменения, происходившие после Октябрьской революции, с точки зрения Набокова, «сводились к перемене декора, так или иначе камуфлировавшего неизменную черноту бездны насилия и террора» [5; с. 285] (из того же письма).

Но самым яростным оказался в этом письме спор Набокова с Уилсоном об искусстве Серебряного века: писатель принципиально не согласен с критиком, фактически отождествлявшим русский авангард (преимущественно имелся в виду футуризм) и большевистскую революцию [5; с. 283]. (Отметим, что на Уилсона во время его пылкой увлеченности СССР в 1930-е гг. повлияла книга Льва Троцкого «Литература и революция» (1923) [3; с. 39], во многом дискредитирующая писателей начала XX века).

Самому Набокову так нравилось это его письмо, что он вознамерился его «отшлифовать» и напечатать отдельно. Напечатать не получилось, но существенная часть письма позднее вошла в двенадцатую главу автобиографической книги «Другие берега» (1953–1954).

В письме от 4 января 1949 года Набоков разбирает книгу Уилсона «Величайшие мыслители» 1948 года издания и вновь спорит с другом о месте Ленина в истории: «Ты всерьез полагаешь, что в первые годы своего существования советский режим строил (окровавленными руками) фундамент (из папье-маше, пропитанного кровью) для нового человечества?» [5; с. 311].

В этом же письме Набоков спорит с Уилсоном о литературных вкусах Ленина. В эссе «Марксизм и литература» Уилсон утверждал, что Ленин «любил прозу, поэзию и театр и отнюдь не был доктринером в своих художественных пристрастиях» [5; с. 311]. Набоков на это безапелляционно заявляет: что до литературных вкусов Ленина, «тут он был стопроцентный буржуа (во всех смыслах)» [5; с. 311]:

«Когда он говорит «Пушкин», он имеет в виду не нашего (твоего, моего и т. д.) Пушкина, а то, что складывается в голове русского обывателя из а) школьных учебников, б) переложений Чайковского; в) расхожих цитат и г) приятного убеждения, что Пушкин писал «классически просто». То же можно сказать о его восприятии Толстого (его статьи о Толстом по-детски наивны). Сталин тоже любит Пушкина, Толстого и Ромена Роллана» [5; с. 311–312].

Точно так же в эссе «Пошляки и пошлость» (1957) Набоков настаивает на том, что «у Ленина, Сталина и Гитлера представление об искусстве и науке было насквозь буржуазным» [10; с. 426]).

Публикация Набоковым «Лолиты» (1955) и высокая оценка Уилсоном о «Доктора Живаго» (1957) Б. Л. Пастернака подорвали дружбу писателя и критика. Причиной глубокой обиды Набокова на бывшего друга стало также утверждение Уилсона в изданном им в 1956 томе рассказов А. П. Чехова, что будто бы чеховские персонажи были теми самыми людьми, которые пришли к власти во времена Сталина [3; 44].

По прочтении переписки Набокова с Уилсоном, касающейся фигуры Ленина и созданного им государства, создается впечатление, что писатель ведет спор не только с Пончиком (Вунны), как он называл Уилсона, но и с самим Лениным — настолько ожесточенными выглядят иные выпады в адрес вождя русской пролетарской революции. На наш взгляд, переписка взяла на себя еще и терапевтическую функцию, позволив Набокову максимально полно высказаться о ненавистном ему человеке.

Показательно для нас и еще одно признание Набокова в письме Рене Миша 1961 года, исчерпывающе объясняющее его отношение к любой диктатуре и ленинской в том числе:

«Я против любой диктатуры, правой или левой, земной или небесной, белой, серой или черной, розовой, красной или пурпурной, Ивана Грозного или Гитлера, Ленина, Сталина или Хрущева <...>. Я приемлю только правительства, которые позволяют человеку говорить то, что он хочет» [1; с. 566–567].

Характерно также, что в стихах второй половины 1920-х гг. Набоков никогда не использует нового — советского — названия своего родного города Петербурга, 26 января 1924 года, после смерти В. И. Ленина, II Всесоюзным съездом Советов СССР переименованного в Ленинград; он навсегда так и остался для него Петербургом.

Впрочем, много позднее, в 1947 г., им будет написано стихотворение в форме письма именно из Ленинграда «Князю С. М. Качурину». Виртуальное возвращение на родину становилось темой набоковских произведений неоднократно. Эта тема присутствует в романе «Подвиг», в рассказе 1939 г.

«Посещение музея», в финале которого герой-эмигрант таинственным образом оказывается в СССР, где его арестовывают на «равнодушном снегу» [9; с. 476], и в ранней, созданной в 1925–1926 гг. пьесе «Человек из СССР».

Но виртуальное возвращение — это одно, реальное — совсем другое. Показательно, что всех известных ему людей, посещавших СССР, Набоков называл «дураками или лакеями» [1; с. 678].

В июне 1969 года сестра Набокова Елена Сикорская провела две недели в Ленинграде, став первым человеком из набоковской родни, посетившим Страну Советов. Елена привезла в Швейцарию фотографии Выры и Рождество, а также камень из фундамента главной лестницы старого поместья. Она регулярно посещала СССР и в последующие десять лет.

Американский славист, литературовед Саймон Карлинский однажды заехал к Набокову в Монтрё. Писатель попросил Карлинского поделиться впечатлениями о СССР. «Громкие женские голоса, грязно ругающиеся» [1; с. 738] — это первое, что пришло на память Карлинскому.

Считается, что именно от этого впечатления Набоков отталкивается в своем последнем завершенном романе «Смотри на арлекинов!» (1973–1974). Путешествие в «Страну Чудес», как называет он в романе СССР, здесь наконец-то предпринято. Писатель отправляет в Ленинград своего героя Вадима Вадимыча, являющегося в чем-то пародийным alter ego самого автора. Ингредиентами «царства советской пошлости» оказываются «веянья пота», «взвесь Красной Москвы», взлетные леденцы в самолете, запах лука, котлета по-киевски, «не-что», отдаленно напоминающее цыпленка табака, непригодное для питья грузинское вино, «кусоч багряного мыла» «в уродливой громаде» «Астории». Герою пеняют на то, что он «не заглянул в комнату Ленина в Смольном» [14; с. 272]! Все в Ленинграде кажется Вадиму Вадимычу чуждым и вульгарным, пропитанным советской столовой.

Б. Бойд отмечает, что путешествие Вадима Вадимыча «описывается с такой зрительной, слуховой и обонятельной точностью, что побывавшие в Советском Союзе читатели были уверены: Набоков точно ездил туда, но инкогнито» [1; 739].

Настоящее — пусть и посмертное — возвращение Набокова в Ленинград произошло только в 1986–88 гг., когда он был признан в СССР «национальным достоянием» [1; с. 792–793].

Знаковым представляется то, что родились Ленин и Набоков в один день — 22 апреля — с разницей в 29 лет. Писатель, без сомнения, придавал значение этому совпадению и даже предпочитал отмечать свой день рождения на день позднее — 23 апреля, когда, согласно общепринятому мнению, родился Шекспир.

Ненависть в свою очередь вдохновляла и творчески стимулировала Набокова. Показательно его отношение к Ф. М. Достоевскому, которого он в «Лекциях по русской литературе» и многочисленных интервью клеймит и разоблачает как переоцененного классика, однако буквально в каждом своем произведении ведет с ним диалог, развивая, интерпретируя и трансформируя его образы, мотивы и сюжеты. Отношение Набокова к Ленину, казалось бы, однозначное, может быть понято и в этом ключе.

Ленин в понимании и художественном сознании Набокова неотделим от Сталина и Гитлера. Сталинский режим видится ему продолжением ленинского без заметных отличий. В становлении же фашизма в 1930-е гг. в Германии он узрел зеркальное отражение революционных событий 1917 г. и последующего большевистского террора в России.

Таким образом, в Ленине Набоков видел некую универсалию тоталитаризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойд Б. Владимир Набоков. Американские годы: биография. Пер. с англ. — СПб.: Симпозиум, 2010. — 648 с.
2. Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы: биография. Пер. с англ. — СПб.: Симпозиум, 2010. — 695 с.
3. Карлинский С. Предисловие. Дорогой Пончик — дорогой Володя, или Сближения и разногласия. // Набоков В., Уилсон Э. Дорогой Пончик. Дорогой Володя: Переписка. 1940–1971. Пер. с англ. С. Таска. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2013. — 496 с. — С. 12–46.
4. Крупская Н. К. Воспоминания о В. И. Ленине. Ч. I и II. — М.: Партиздат, 1933 (на обл. 1934). — 290 с.
5. Набоков В., Уилсон Э. Дорогой Пончик. Дорогой Володя: Переписка. 1940–1971. Пер. с англ. С. Таска. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2013. — 496 с.
6. Набоков В. В. Другие берега: Автобиография, рассказы, стихотворения. — СПб.: Азбука, 2002. — 416 с.
7. Набоков В. В. Искусство литературы и здравый смысл. Пер. с англ. Г. Дашевского. // Лекции по зарубежной литературе. Пер. с англ. — СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 210. — 512 с.
8. Набоков В. В. Письма к Вере. Пер. с англ. А. Глебовской. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 704 с.
9. Набоков В. В. Полное собрание рассказов. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 752 с.
10. Набоков В. В. Пошляки и пошлость. Пер. с англ. А. Курт. // Лекции по русской литературе. Пер. с англ. — СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. — 448 с.
11. Набоков В. В. Предисловие автора к американскому изданию. Пер. с англ. Г. Барабтарло. // Дар: Роман. — СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 210. — 416 с. — С. 411–413.
12. Набоков В. В. Американский период. Собрание сочинений в 5 томах. Пер. с англ. С. Ильина. — СПб.: Симпозиум, 1999. — 608 с. (Т. 1).
13. Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. — СПб.: Симпозиум, 2009. — 784 с. (Т. 4).
14. Набоков В. В. Смотри на арлекинов!: Роман. Пер. с англ. С. Ильина. — СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. — 320 с.
15. Набоков В. В. Стихи. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 304 с.
16. Питцер А. Тайная история Владимира Набокова. Пер. с англ. Е. Горбатенко. — М.: Синдбад, 2016. — 528 с.
17. Роупер Р. Набоков в Америке. По дороге к «Лолите». Пер. с англ. Ю. Полещук. — М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2017. — 384 с.